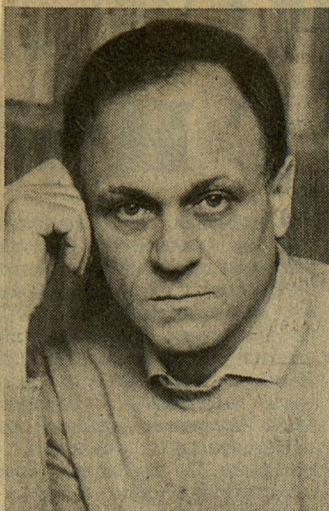

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ
**БЫТЬ
ВЕРНЫМ
САМОМУ
СЕБЕ**

ФИЛЬМЫ с его участием я смотрела с удовольствием: «Собственное мнение», «Человек на своем месте», «Последняя встреча»... Что-то подкупающее, что-то исконно русское было в облике его героев, в их манере держаться, в поступках. Душевной щедростью, любовью к людям веяло от картин, которые он поставил как режиссер: «Розыгрыш», «Москва слезам не верит»...

С самыми добрыми намерениями я и позволила Владимиру Валентиновичу, надеясь договориться о встрече. И вдруг услышала: «Почему «Учительская газета» решила писать обо мне? Я уже столько интервью дал, что риску прозвучать нескромным. Прочтите ваши вопросы, и я пойму, насколько мы интересны друг другу». Вот так прямо и резко сказал, нисколько не за-

— Не люблю говорить о незавершенном. Не обижайтесь. И не пораду: «Любовь и голуби» — не о школе. Есть там, правда, трое детишек, но у них чисто функциональная роль...

Потом еще не раз голос его будет приобретать различные оттенки — и по телефону, и в личных беседах. Будет снова раздражительным и даже гневным, сдержанным и чуть смущенным. Голос — как проявление характера. Искреннего, бескомпромиссного. Предельно честного. Не терпящего суеты и пустословия. Характера нелегкого, но ведь и путь в искусство у Меншова был тернистым... Возможно, будь у этого человека другой характер, мы никогда не услышали бы о Меншове-режиссере...

— Чем руководствовались вы, решив связать свою жизнь с искусством?

— Этот вопрос меня занимает всерьез. Проблема выбора... Смолоду не очень разбираешься в этом. Как было у меня? Решил: стану актером. Почему? Кто ж его знает! Семья отношения к театру не имела. Отец — военный служащий, мать — домохозяйка. Не могу сказать, что бы мое и родительское желание совпадали. Скорее наоборот. И все-таки я уехал из Астрахани в Москву. Четыре года подряд поступал в театральные вузы. В разные. Успокаивало, что я не один такой одержимый. Но многие не выдерживали, подавали заявления в любой подвернувшийся институт. Мне же какое-то внутреннее чувство твердило: отступишь — сломаешь жизнь.

— Но ведь эти четыре года нужно было чем-то заниматься?

— А как же иначе! Не мог же я на шею родителей сидеть! У меня начались свои «университеты». Работал токарем на заводе, шахтером в Воркуте, матросом на водолажном катере. Специально менял профессии, чтобы узнать жизнь и под землей, и под водой. Вел дневники, записывал впечатления, мысли... Не мог же я предполагать, что этот опыт выведет меня на многие человеческие и социальные пласты, когда стану режиссером.

— Значит, вы поступили все-таки на режиссерский факультет?

— Да что вы! Такое мне и в

голову не приходило! С четвертой попытки я был зачислен на актерское отделение Школы-студии МХАТа. Как же я благодарен за это судьбе! Мхатовские спектакли, мхатовские старики (было начало шестидесятых)...

...Незабываемые уроки — уроки на всю жизнь. Ведь сначала надо крепко усвоить каноны, чтобы знать, от чего отталкиваться... Наш курс вел В. П. Марков, серьезный, вдумчивый педагог, а на последнем курсе с нами работал В. О. Топорков, человек огромного творческого темперамента, способный по-детски увлекаться и восхищаться. Помню, с каким упоением он рассказывал, что четыре раза был на «Кармен-сюите» Щедрина! До сих пор вспоминаю преподавателей общеобразовательных дисциплин. А. А. Белкина, например, который вел у нас русскую литературу. Он начал с того, что прочел мое сочинение, за которое я на вступительных экзаменах получил «5», и устроил разнос. За что? За казенные фразы, за скованность мысли. Я и сам это чувствовал, но боялся писать по-другому — у меня уже был «опыт»: в 8-м классе я чистосердечно написал все, что думал о пушкинской Татьяне, а за это вызвали в школу отца. Вдруг и здесь попался бы такой педагог? К счастью, Белкин не только способствовал нашему общему развитию, он учил нас думать, размышлять, учил работать над собой, прививал, если можно так сказать, способность к самообучению. А без этого нельзя ни в искусстве, ни в жизни. Я ведь в Астрахани «по интеллекту» был на хорошем счету, а в Москве понял: это лишь зачатки овладения культурой. Я попал в мир, который тянул меня, который я считал своим, но сам я не подходил ему по всем параметрам. В столице меня учило все. Сама атмосфера города — библиотеки, музеи, театры... Но главным своим учителем я считаю Ромма...

— Но ведь Ромм — это уже ВГИК?

— Да. Невеселые обстоятельства привели меня к нему. В 65-м я окончил студию, а стать артистом не мог себе позволить. Наблюдая своих однокурсников на сцене, я начинал понимать, что такое актер «милостью божьей». Нужно было честно при-

боясь о произведенном впечатлении. Что это? Самовлюбленность артиста, которого уже коснулись сладкие крылья славы? Стало немного обидно за тот образ, который жил в моем воображении.

А через несколько минут, прослушав вопросы и выразив удовлетворение, Меншов уже совсем другим тоном предложил приехать к нему на «Мосфильм»... Мы беседовали несколько часов. Звонил телефон, в комнату с табличкой новой киноленты «Любовь и голуби» то и дело заглядывали какие-то люди, но, видя, что режиссер занят, тихо закрывали дверь. Я понимала, что Меншову некогда, что каждая минута у него на строгом учете. Но он не торопил, спокойно (если это слово применимо к нему) размышлял о пройденном в кино пути, о том, что сделано, меньше — о том, что предстоит свершить.

Знаешь себе, что профессия выбрана не та. Это была трагедия. И вот тогда-то я пришел к Михаилу Ильичу, которого до этого лично не знал, все ему рассказал и попросился... на первый курс режиссерского факультета ВГИКа. Видимо, Ромм поверил, что у меня серьезные намерения, что кино все больше захватывает меня, и предложил поступить... в аспирантуру по режиссуре. Это было совершенно неожиданным для меня. Я не чувствовал себя готовым к такому шагу, а Ромм поверил и убедил. Встречаясь с ним в течение нескольких лет учебы в аспирантуре, я понял, что такое учитель-потрясение, которого в моем детстве, к сожалению, не было. При такой фантастической популярности оставаясь простым и доступным, удивительно естественным во всех проявлениях, абсолютно лишенным фальши, высокомерия...

Фильм «Розыгрыш» по сценарию С. Лунгина стал моим дебютом. По письмам, по встречам с юными понимаю, что он затронул ребячьи сердца. Но сейчас я отношусь к нему критически. Много в нем рационализма, излишней логики, что ли. Открытия не произошло. По моему, в разработке школьной темы у нас много фальши. Режиссеры по-взрослому решают детские проблемы, герои порой те же переодетые взрослые, и сами дети привыкают к закодированному языку. Из всех школьных фильмов хочу выделить «Чужие письма» И. Авербаха — за диалектичность, за сложность раскрытия характеров. Умный фильм, непонятно только, почему его называют детским?

Однако меня как режиссера интересует психология не школьного возраста, а тридцати-сорокалетних...

— Как в фильме «Москва слезам не верит»?

— Да. Эта работа мне очень дорога. И не только потому, что картина встретила горячий

отклик у зрителей, что отмечено рядом наград, в том числе «Оскаром» — за лучшую режиссерскую работу. Я до сих пор не могу точно объяснить, в чем феномен «Москвы»... Некоторые критики пытались, весь накал, весь пафос фильма подвести к судьбе Золушки в Советском Союзе. Но я совсем не о том хотел сказать. И когда говорят, что в фильме поднимались и семейно-бытовые, и нравственные, и социальные проблемы, я к этому тоже отношусь настороженно. Возможно, поднимались. Но это не было для нас самоцелью. Нам хотелось передать счастливое удивление перед жизнью. Ведь она — самый великий драматург. Такие повороты судеб, такие коллизии... Человек во времени. Человек среди других людей. Хотелось показать, что все мы заслуживаем самого пристального внимания, доброты, участия... Я получил письмо от одной женщины с Украины — такое заинтересованное, эмоциональное письмо. Она пишет: «Должен появиться певец коммуникабельности. Мало мы думаем о любви к людям»... Я и в будущих своих работах постараюсь разрабатывать эту тему.

— Знаю уже, что о планах на будущее вы распространяться не любите...

— Совершенно верно. Хочу только сказать, что меня волнует сейчас все, что связано с русским национальным характером. Вот приехал я недавно к сестре, она учительницей работает в Нижне-Волжском, под Астраханью. Разговорились мы и пришли к выводу, что совсем не знаем своих истоков, о бабушке с дедом приблизительные сведения имеем. А человеку нельзя без прошлого. Оно ведь силы нам придает, питает нас. И в фильме «Любовь и голуби» я размышляю об этом.

— Известно, что ваша жена тоже актриса, исполнительница главной роли в фильме «Москва слезам не верит», что много лет заслуженная артистка РСФСР Вера Алентова работает в театре им. Пушкина. Дочка, видимо, мечтает пойти по пути родителей?

— Юлия учится в восьмом классе. Мне бы очень хотелось суметь быть объективным по отношению к ней. Если действительно обнаружатся актерские способности, пусть сама пробивает себе дорогу в искусство. Человек должен чувствовать, что для него главное в жизни. Ум, талант, трудолюбие — вот необходимые компоненты, создающие судьбу. Надо воспитывать готовность противостоять ее ударам, бороться за свои идеалы. Пока я стараюсь воспитывать дочь к труду — каждое лето она работает в лагере труда и отдыха под Астраханью. Хочу, чтобы она поняла, что такое человеческие страдания, познала и тяжелые стороны жизни, поработав, например, санитаркой в больнице.

Вообще я считаю, что между школой и вузом должен быть этап в два-три года, когда человек имеет возможность познать жизнь, самого себя, свои возможности. Это очень важно.

— Значит, ваше жизненное кредо...

— Быть верным самому себе, уметь отстаивать убеждения, доверять внутреннему голосу, который редко обманывает. Истинный художник — он ведь еще и борец. И самый строгий судья себе — тоже он сам.

НАВЕРНОЕ, это очень ценное качество — уметь быть судьей самому себе. Иметь твердые моральные ориентиры: принципиальность и порядочность, совесть и непримиримость к злу. И большую любовь к людям. Ориентиры вечные, как жизнь...

Вот такой он, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР кинорежиссер Владимир Меншов. Он не любит делиться творческими планами. Но все равно — пожелаем ему новых радостных свершений.

Р. ПОЯРКОВА.